

Обладателем Приза симпатий Библиотеки имени Н. Задорнова по итогам "2-го открытого Чемпионата Балтии по русской поэзии - 2013" стал [Анатолий СТОЛЕТОВ](#), Уфа (Россия).

Анатолий СТОЛЕТОВ

ПОЛНЫЙ БЛЮХЕР

Не поэт

Я не поэт. Нет, нет, я не солгу.
Не каждого ж рифмующего строки
Записывать в поэты и пророки,
Чтоб чувствовать себя у них в долгу,

Хоть мне приятно пыль пускать в глаза,
Доказывая, что и я не лузер.
Но ведь концы с началами вязать
Чуток сложнее, чем Гордию свой узел.

Спустя две тыщи лет события Р.Х.,

Что может быть глупей твоей попытки
весь мир считать инверсией стиха
И бусы слов нанизывать на нитки

Тугой строки щедедушного ума,
Не требуя от жизни слишком много
Для самой слабой из инверсий Бога,
Покуда не случилась Колыма.

Я просто человек, и юмор мой,
Что интеллекту даст большую фору,
Не приспособлен ни к толпе, ни к хору
И кончится, наверно, Колымой,

Хоть и не той, что родина зека.
И я на мир натягиваю строфы -
недолюбитель, как и недопрофи -
Запутавшись в рубахе языка.

Но от стихов «кочан» мой отличим
Не тем, что нет Лауры, Беатриче,
Не тем, что недостаточно личин,
А тем, что текст мой попросту вторичен.

Как, впрочем, и любой набор из слов,
Что пишет нынче кто-либо, поскольку
Вся плоть стихов – мозаика осколков
Инверсий Слова. Этот мир не нов,

Но он неповторим. Калейдоскоп
Все крутится лихим слововоротом.
Затягивает буквенной гарротой
Отверстье рта каждой из синкоп.

И в слове «с» меняется на «о».
Фантазия, увы, кумулятивна
И, как сие кому-то ни противно,
Затягивает всех до одного.

И в этом поле вырытый окоп
Усугубляет уникальный опыт
Раздаться эхом истинной Синкопы.
И Слово все ж закончится на «О».

Я грустный человек, и в этом кайф,
Когда два раза шутку повторив, мы

Свой юмор заворачиваем в рифмы,
А ты вникай, читатель, мол, икай.

Как шею сунуть в петлю к палачу,
Писать стихи высокого полета.
Но мне, пожалуй, будет по плечу
Заслуженная слава рифмоплета.

И я предпочитаю тот прикол,
Чтобы – стремленье всех сторон похеря
Плыть по теченью или против волн –
Сломать весло и выползти на берег.

Снег над городом

Мрачный города храм. Вдоль бордюров - электролампады,
Благовония выхлопов, мантры моторов авто.
Брось у дома сансару. Закутайся в плед снегопада.
Полови ртом сатори заснеженным буддой в пальто.

Бьются снег с темнотой в этой битве сошедшихся армий.
Постоишь у витрин и в кафешку от холода - шмыг.
Этот долбанный мир столько раз распадался на дхармы,
И снежинкой в ладонь опускался нетающий миг,

Что теперь невозможно окончить с собой поединок.
Уши ждут тишину, как наушники в них ни пихай,
И пытаются вычист(л)ить музыку белых снежинок
И найти тишину в белоснежном пространстве стиха.

Разл(б)ивается ночь. И опять замедляется прана.
А глаза смотрят в небо, как светом ты их ни корми.
Запрокинь вверх лицо. Там зияет открытая рана.
Льется белая кровь, согревая страдающий мир.

Только что согревать!? Все, как прежде, валяется ваней.
Посаторил чуток, и желания снова - битком.
До весны пара дней. Зябко кутаясь в белой нирване,
Все застыло на миг перед новым сансары витком.

Полный блюхер

1. Запотевшее стекло

Стучат в висках костяшки домино.
Макнись в безделье, посмотри кино.

А вечером уткнись в свое окно.
Но не видать ни черта там, снаружи.
Ты знаешь - это все проделки стужи.
Она в окошко пялится давно.
Дохни едва, и запотеет сразу.
Сверкают ярко дедмороза стразы,
Вертит январь свое веретено.

Все выделяет литры слез и пота,
Спасая жизнь свою. Так отчего там
Окно зимой от выдыхов потеет?
Чего строкой корявой на листе я
В другую жизнь царапаю прогал?
Какую из миллиона темных тайн
Откроет мне узор немых проталин,
А та дохнет, закрыв мир крепче стали,
В уютной темноте меня оставив
Давить виски, рыдать?
А ты не знал?!

Зачем же ты кривой куриной лапой
Свое окно оттаивал, царапал,
Крупницами тепло роняя на пол,
И что-то даже, видишь, накропал?
От головы - таблетка цитрамона.
Врастают в пальцы кольца Соломона,
И вместо хора слышишь соло моно -
Твой пан пропал.

2. Дар напрасный

Дар напрасный, дар случайный,
Что к артерии приник,
Я пропью сегодня в чайной,
Заложив за воротник.

Со своей бессвязной речью
Кинусь, рот зажав, к окну
И словами, как картечью,
По воронам садану.

Под забором неспроста я
Рухну прямо в лопухи
И увижу, как возрастают
Чьи-то вечные стихи.

3. Ложь

Что камень в почке, мысль в моем мозгу.
Я спать не сплю и думать не могу.
И камень больно словом рвет бумагу.
И если я вообще чего-то мог,
То лишь скатать метафоры комок.
В который, видно, буквами и лягу.

И мысль, что рвется нитью -
вниз ли, ввысь ли -
Придет бастардом изреченной мысли.
Ей поперек ни слова не скажи.
Я на безмене рифмы был измерен
И дальше лгу себе, как сивый мерин.
Но жизнь, она – что смерть без этой лжи...

4. Ватерлоо

Ты складываешь руки на груди,
Что тот Наполеон при Ватерлоо,
И, находясь в тисках волненья злого,
Все ищешь слово. Ищешь это слово,
Которое обычно находил.

Сейчас его ты скажешь, и пойдут...
И залп взъерошит воздух, торжествуя.
Падут зерном кровавым на траву, и
подхватит гром музыку полковую.
И за редутом захлестнет редут.

Ты сглатываешь этот в горле ком -
Событий предвкушение такое,
Когда ты, словно не своей, рукою
Меняешь мир, течением влеком.
Хотя оно, казалось бы, на кой им!?

И ты стоишь, судьбу свою чертя,
Хоть линии с твоей ладони стерлись.
Пожаром забеснуется костер лиц,
Спалив сомнений лес ко всем чертям.
Ведь у тебя все битвы - Аустёрлиц.

Ты сбрасываешь гору с плеч в тиши.
Язык и губы от волненья сухи.
И кажется - старухе нет прорухи.

Но ты ещё не знаешь, что Груши
Заблудится. И будет полный блюхер.

ИЗ ИСТОРИИ ПРИЗА

Обладателем Приза симпатий Библиотеки имени Н. Задорнова по итогам "Кубка Мира по русской поэзии - 2012" стал Михаил Юдовский (Германия).

Михаил ЮДОВСКИЙ

Ты еще не ответ...

* * *

Ты еще не ответ. Не пытайся себя оплакать,
И долги оплатить, и по новой уйти в бега.
Посмотри, как земную твердь превращая в мякоть,
Из-за пазухи неба сыплются вниз снега.

Став прозрачней и строже, деревья бросают тени,
На путях обозначив границы неровных вех.
И сугробы, лохмато взгорбившись, как ступени,
Простираясь вдаль, незаметно уводят вверх.

Ты еще не отмерен. Не взвешивай раньше срока
Тень родной стороны и чужого пространства свет.
Оттого ли в своем отечестве нет пророка,
Что в самом пророке отечества тоже нет?

Приникает невольно сердце к иным просторам,
Исповедуясь тишине неродных полей,
И глядится вверх, с удивленьем молясь соборам
Уходящих в небо готических тополей.

Ты не знаешь конца пути, позабыв начало,
Размотав клубок и порвав ненароком нить.
Человеческой жизни, видимо, слишком мало,
Чтоб однажды себя понять и себя простить.

В наступивших сумерках ты обернешься слепо,
Поглядев назад и следы различив с трудом.
И среди бездомья покажется домом небо,
Как среди безнебья небом казался дом.

* * *

Только дело не в снеге. Ступая по голой земле,
Улыбаясь камням и стирая подошвы в мозоли,
Мы сумеем так нежно, так тихо исчезнуть во мгле,
Так легко, чтоб при этом никто не почувствовал боли.
Горизонтом назвавшись, к себе приближенья не ждут.
Так заблудимся в чаще, лишь шаг не дойдя до опушки,
Наблюдая, как, за руки взявшись, столетья идут
И, старея на наших глазах, умирают кукушки.
В предвечернюю синь убегает разбитый огонь,
И, запамятав, что человек человеку полено,
Мы поместимся в мире, ладонь положив на ладонь,
И поместимся в клетке, коленом упершись в колено.
Пусть спасенье нелепо, как айсберг укутанный в мех,
Но, сближаясь в щелчке, уже пальцы не так одиноки.
И над нами рассыплется каплями тихонький смех –
Это ветер смеется о наши небритые щеки.

Шестистишья

Твоя наивность слишком горяча.
А я устал. Ни твоего плеча,
Ни рук твоих, ни нежного затылка
Я не коснусь. Как к пламени свеча,
Так жертва опрометчиво и пылко
Стремится под секиру палача.

Я не злодей, я не нарочно груб.
Звучит печально флейта в хоре труб.
Под ветром осыпается шиповник,
Теряя лепестки невинных губ.
Помилуй Бог – какой же я садовник?
Скорее – поневоле – лесоруб.

В душе моей гуляют декабри –
Темно снаружи, холодно внутри.
Завален снегом сад наполовину,
И, как живые пятнышки зари,
Поклевывают мерзлую рябину,
Сверкая алой грудью, снегири.

Забредшая сюда издалека,
Застыла в изумлении река,
Со всех сторон охваченная льдами.
Но неподвижность стала ей близка –
Мгновения, умножившись годами,
Незримо превращаются в века.

Так было, есть и, верно, будет впредь.
Печально раньше смерти умереть.
Бездарно ощущение здешней скуки.
Вечерний воздух потемнел на треть,
И ветер дует бешено на руки,
Пытаясь их морозом отогреть.

Но даже если нет пути назад,
Заглянем напоследок в этот сад,
Где, с трепетом предчувствуя секиру,
Под снегом ветви голые висят.
И наши судьбы шествуют по миру,
Живя и умирая невпопад.

Городок

Забытый Богом городок
Застыл в благословенной скуке,

Как фотоснимок. Словно руки
Не донесли воды глоток
До рта. Сухая тишина
Опавших листьев. Спирт размешан
С касторкой. Явь безгрешней сна,
Хоть вера в то что сон безгрешен
Наивна, ибо сон иной
Рождает чудищ. И кошмаром
Мне представляется не даром
Привычно видимое мной:
Вокзал, кладбище, каланча,
Под ратушей безликой рынок,
Гудящий, будто саранча...
Тоскливо, как среди поминок,
Пивными кружками гремит
Десяток баров. Пара саун.
Мясная лавка фрау Шмидт,
А, может, Мюллер. Или Браун.
Здесь не Москва и не Париж.
Здесь и спокойней, и покойней.
Здесь высоко не воспаришь,
Но, если прыгнуть с колокольни,
Тебя заметят. Дня на три,
А, может быть, и на четыре
Ты станешь в этом сонном мире
Героем. Что ни говори –
Приятно. В этот городок,
Подобный опустевшей клетке,
Смерть – редкий, вобщем-то, ездок,
Хоть, к сожаленью, слишком меткий,
И многие почти до ста
Здесь доживают терпеливо.
Здесь раскрываются уста
Лишь для того, чтоб выпить пиво,
Сказать соседу добрый день
И попросту зевнуть со скуки.
А, впрочем, – остальные звуки,
Быть может, вправду дребедень.
К чему творить в душе разброд
И, песенкам внимая лисьим,
Чего-то ждать, раскрывши рот,
Как ждет почтовый ящик писем,
Взамен рекламы находя
И горькую усталость. Небо
Косой линейкою дождя
Напоминает, как нелепо

В ушедшем времени искать
От настоящего вакцину –
Как будто горло полоскать,
Настойчиво леча ангину
Двухлетней давности. В былом
Прекрасно то, что это было.
Нас вечность только пригубила
И приютила под крылом.
И даже этот городок
Уже обрел свое там место –
Не как смущенная невеста,
А как жена, надев платок
И в церковь наравне войдя
С молящимися. Но покуда
Живет он не сознаньем чуда,
А ощущением дождя,
И созерцаньем тишины,
И чашкой утреннего кофе.
Он будет даже на Голгофе,
Как Гамлет, спать и видеть сны,
Покуда глас небесных труб
Ему не станет пробуждением.
И на кресте он с удивленьем,
Проснувшись, обнаружит труп.
И пробежит по телу дрожь,
Как от укола злой булавки,
И... Но довольно. Вечер. Дождь.
Намокшие кафе и лавки.
Пустые улицы. Листву
Швыряет пригоршнями ветер,
И голый клен в фонарном свете
Как будто грезит наяву.
Надежда робкая в глазах
Желтушных окон страх сменила,
В слегка шершавых небесах
Расплылись кляксою чернила.
Всплывает первая звезда,
Из темноты мерцая зыбко.
И я с тоской гляжу туда,
Оттуда чувствуя улыбку.

Приз симпатий Библиотеки имени Н.Задорнова (Рига, Латвия)

Автор: Оргкомитет
31.05.2013 00:15

Приз симпатий Библиотеки имени Н.Задорнова, слэм-ботов, для его просмотра у Вас должен
быть каждый понедельник месяца — санитарный день.